

В тылу страны нелёгким было детство О Карачарове Михаиле Григорьевиче

Мы с братом Михаилом – «последыши» в большой многодетной семье. В семье было одиннадцать мальчиков и одна девочка. Родители – простой неграмотный рабочий и домохозяйка. Трудно представить, как они могли, особенно в военные годы, при крайней бедности управиться с такой оравой, как им удавалось всех накормить, одеть, обусть, вырастить послушными, достаточно воспитанными, порядочными, трудолюбивыми, большинству дать образование, вывести в люди?

Конечно, в нашей большой семье постоянно возникали невероятные трудности, горестные события: неожиданная смерть сестры, без видимых причин угасшей в три с половиной года, гибель старшего брата Павла на фронте, длительная болезнь мамы – главной опоры в жизни, заботливой, трудолюбивой и ласковой женщины. Её парализовало, она ослепла.

Мы были обречены на самовыживание. Отец выбивался из сил, упорным физическим трудом добывал средства для пропитания. Работал он простым грузчиком на Песковском чугунолитейном заводе. Был неграмотным: в ведомости на зарплату мог поставить только крестик вместо фамилии. Ему не удалось поучиться в школе ни одного дня. Зато наша мама окончила с Похвальной грамотой четырёхгодичную церковно-приходскую школу. Именно она была нашей главной наставницей, воспитательницей и первой, кто приобщил нас к азам грамотности.

Вот в таких условиях мы с братом Мишей росли и воспитывались: он родился в 1930, я – в 1928 году. Особенно трудно и невыносимо голодно нам было в годы войны. Голодали страшно. Пайки хлеба закалистого с примесью в 400 граммов, которые выдавали иждивенцам по карточкам, естественно, не хватало. Приходилось есть всё, что только возможно: лебеду, крапиву, пестики, сивериху, труху, жмых, капусту, грибы, ягоды и прочее. От голодной смерти спасала картошка, которую сами выращивали на своём огороде возле нашей старенькой избы. Но и «второго хлеба» до конца зимы часто не хватало. В весенние месяцы для нас наступала особенно тяжёлая пора. Отцу вместе с нами, ребятишками, приходилось бродить по окрестным деревням, побираться, обменивать последние домашние вещи на мёрзлую картошку.

Дома – голые стены. В переднем углу главное «украшение» – икона. Большой деревянный стол, такие же лавки и табуретки вдоль стены, громадная семейная деревянная кровать. Мы с братом чаще всего спали на полатах или на печи, остальные укладывались кому как придётся – на общей кровати, на сдвинутых лавках, сундуке или просто на полу. Пол был белый, некрашенный. Пока мама была здорова, скребла половицы косарём – большим, хорошо заточенным ножом. Тяжёлая, утомительная работа. Никаких ковров, кроме домотканых половиков, мы, конечно, не знали и не видели.

Одежонку себе тоже в основном справляли сами. В семье была старенькая швейная машина «Зингер». Мама помогла нам освоить её. Почти на

ощупь она делала выкройки, обучала нас использовать старые вещи, распарывать, перелицовывать, кроить и самостоятельно шить.

Помню счастливый день, когда нас с Михаилом принимали в пионеры. К этому дню мы тщательно подготовились: каждый сшил себе штаны из «чёртовой кожи» (грубая тёмная ткань типа мешковины) и белую ситцевую рубашку. Отец с матерью расщедрились и на последние гроши купили каждому новенькие блестящие калоши с красной байкой внутри и шёлковый красный галстук. Нашей радости и гордости не было предела. После школьной линейки мы почти целый день бегали по родственникам и соседям, всем своим видом показывая, насколько мы красивы, элегантны и привлекательны.

Не припомню, чтобы кто-то роптал – все жили в ожидании Победы.

Миша после семилетки пошёл в ФЗО (училище фабрично-заводского обучения). Там давали форменную одежду и три раза кормили. Для тогдашних подростков это было очень важно, так как в первые послевоенные годы до отмены карточной системы (в конце 1947 г.) было не менее трудно, чем в военное лихолетье.

Мне удалось закончить десятилетку и поступить учиться в Кировский пединститут. С тех пор наши пути с братом разошлись. Виделись редко, только во время отпусков и нечастых приездов в родную Песковку.

Миша, теперь уже можно сказать – Михаил Григорьевич Карачаров – получил в школе ФЗО специальность «слесаря паровозного депо», работал на Нижне-Тагильском металлургическом заводе. Продолжал учиться, и стал сначала помощником машиниста локомотива, затем машинистом. Но в результате аварии получил травму головы и был вынужден оставить работу, переехать на родину в Песковку. Несмотря на инвалидность, продолжал работать, 20 лет трудился на чугунолитейном заводе, пройдя путь от электромонтёра до начальника цеха.

20 лет жизни и труда у брата связаны с ВОС – Всероссийским ордена Трудового Красного Знамени обществом слепых. Став инвалидом первой группы по зрению, он вместе с женой переехал в Киров, обратился в ВОС за содействием в житейских вопросах и попросил работу. Его определили учеником штамповщика, а потом штамповщиком на УПП «Прожектор» ВОС. Позднее он добросовестно работал инструктором областного правления ВОС, избирался председателем Октябрьской территориальной и Кировской городской территориальной организаций ВОС.

Михаил Григорьевич обладал незлобивым характером, был добродушным, умел находить контакт с людьми, не был лишён чувства справедливости, остроумия и юмора. Поэтому его охотно вовлекали в общественную работу, избирали депутатом, секретарём парторганизации ВОС, председателем профкома и т. д. В его семейном архиве хранятся девять Почётных грамот, его трудовая книжка пестрит записями о поощрениях и наградах.

Брат никогда ни на что и ни на кого не жаловался, ничего ни у кого не просил, по пустякам и по мелочам никому не надоедал. Даже ко мне, а я тогда работал секретарём Кировского обкома КПСС, почти не обращался.

Припоминаю лишь два-три случая, когда он приходил ко мне и настойчиво «хлопотал» по неотложным делам не за себя, а за свою организацию ВОС. Ведь проблем у общества слепых хватало и раньше.

Оказывается, брат писал стихи. Они, конечно, не блещут совершенством, но доброжелательные, искренние, с юмором. Он много читал, пока мог, а потом штудировал толстые пупырчатые фолианты (по Брайлю) и охотно слушал аудиозаписи. О своих друзьях и сослуживцах всегда отзывался с уважением, подчёркивая их достоинства.

Надеюсь, что кто-то из ныне живущих помнит брата. Желаю всем крепкого здоровья и бодрости духа, бойцовских качеств в работе и жизни!

Юрий Григорьевич Карачаров, г. Киров.